Ю. Ю. Эрендженова¹

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ ОЙРАТСКИХ ХАНСТВ

Статья посвящена философско-религиоведческому анализу места женщины в религиозной культуре ойратских ханств XVII–XVIII вв., где в качестве официальной религии был принят буддизм тибетской традиции. Философские основы буддизма Махаяны, определившего формирование тибетской буддийской культуры, включают равное отношение к мужчинам и женщинам. Ойратские женщины, восприняв буддийское учение, активно совершали религиозные практики, сохраняя при этом свое традиционное положение.

Ключевые слова: тибетский буддизм, буддийская культура, тантра, ойраты, женщина, мать.

Y. Y. ERENDZHENOVA

THE PLACE OF A WOMAN IN BUDDHIST CULTURE OF OIRAT KHANATES

The article is devoted to the philosophical and religious analysis of the place of women in the religious culture of Oirat khanates in the 17th and 18th centuries, where the Buddhism of the Tibetan tradition was adopted as the official religion. The philosophical foundations of Mahayana Buddhism, which determined the formation of Tibetan Buddhist culture, include equal treatment of men and women. Oirat women, having adopted the Buddhist teaching, actively fulfilled religious practices, while maintaining their traditional position.

Keywords: Tibetan Buddhism, Buddhist culture, Tantra, Oirats, woman, mother.

В настоящее время весьма актуальными являются исследования духовных традиций монголоязычных народов, в число которых входят и ойраты, создавшие три ханства (Джунгарское, Хошутское, Калмыцкое) в XVII–XVIII вв. Эти государственные образования сыграли значительную роль в формировании геополитики и экономики Центральноазиатского региона. В духовное пространство этих ханств был включен и буддизм, принятие которого имело огромное влияние на мировоззрение, в том числе и религиозное сознание, ойратов. Это позволяет исследователям говорить о существовании религиозной традиции, положившей начало буддийской культуры ойратов.

¹ Эрендженова Юлия Юрьевна – аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», г. Элиста, Россия.

Различные аспекты данной проблематики изучаются историками, этнологами, философами, правоведами, филологами, фольклористами, искусствоведами. Однако учеными отмечается, что при анализе важны междисциплинарные контакты, так необходимые в условиях плюралистической цивилизации. Весомым дополнением к этому анализу станет и философско-религиоведческое осмысление такой особой формы практики буддийского учения, которая была воспринята ойратами в XVII в., как тибетский буддизм. Также крайне важным является обоснование термина «буддийская культура» и отграничение его от буддийской философии. Кроме того, особое значение имеет проведение такого исследования, результаты которого могли бы претендовать на объективность и беспристрастность. В связи с этим необходимо рассмотреть буддийскую традицию ойратов, учитывая гендерный аспект, и тем самым определить место и роль ойратских женщин в буддийских религиозных практиках.

Исследованию буддийской культуры как базиса буддийской цивилизации посвящены работы С. Ю. Лепехова, который определяет такие стороны жизни восточного социума, как государственная политика, экономика, быт, и связывает их с базовыми категориями буддийской философии [2016]. Вслед за С. Ю. Лепеховым, отмечая влияние буддийской культуры на страны Востока и формирование на основе этого влияния нескольких цивилизаций, современные ученые М. С. Уланов и В. Н. Бадмаев наряду с южнобуддийской и конфуцианско-буддийской выделяют и тибето-буддийскую (тибето-монгольскую) цивилизацию [2016: 28–40]. Изучению места женщин в тантрическом буддизме посвящено исследование М. Шо [Shaw 1995], роль тибетских женщин в буддийских практиках раскрывается в сборнике работ под редакцией Дж. Гьятсо и Х. Хавневик [Women in Tibet 2005]. Место женщины в буддийской культуре ойратов рассматривалось в исследованиях К. А. Наднеевой [2015] и М. С. Уланова [2015].

В качестве методологического основания исследования буддийской культуры мы принимаем теорию буддийской цивилизации С. Ю. Лепехова и теорию существования тибето-буддийской цивилизации М. С. Уланова и В. Н. Бадмаева. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира Н. С. Жиртуевой позволяет рассматривать тибетский буддизм как традицию, опирающуюся на мистический опыт [2016].

При гендерном подходе к изучению религиозной культуры считаем, что, несмотря на современные тенденции к феминизации религиоведческих исследований, необходимо рассматривать женщину неотъемлемо от всего ойратского общества как целостную личность по П. С. Гуревичу и человека, стремящегося к самосовершенствованию в понимании Э. Фромма.

Исследование К. А. Гурьевой «Женщина и религия в современной западной культуре» показало, что феминистское социально-политическое движение способствовало появлению религиозного феминизма, возникшего, в первую очередь, в авраамических религиях (иудаизм, христианство, ислам). На данный мо-

мент итогом этого движения стало требование женщин участвовать в религиозной жизни и делиться религиозным опытом наравне с мужчинами. К тому же автор обосновывает такое недавно появившееся в рамках религиозного феминизма направление, как религия богинь [Гурьева 2016: 11–12].

В данном случае уместным считаем рассмотреть это явление с точки зрения теории социоцентрических религий Д. В. Пивоварова. Так, по мнению отечественного философа религии, социум абсолютизирует и сакрализует те или иные аспекты общественной жизни, придает им свойство избранности или признанности, приписывает им особую творческую ценность и ставит в центр индивидуальной или общественной жизни [2015: 5–6]. В случае с религией богинь можно говорить о некоем культе женщины, которая претендует на особое понимание религиозной философии, осуществление религиозных практик и переживание особого религиозного опыта, не сопоставимого с мужским. В буддизме же Махаяны, в том числе в тибетской и ойратской буддийских традициях, всегда учитывалась важная роль женщин и их статус не определялся религиозными догматами. Так, согласно буддийской теории о драгоценности человеческой жизни как огромного потенциала, накопленного в прошлых рождениях, важно не растратить эту жизнь впустую, а с ее помощью продвигаться по стезе добродетели, познать истину бытия и, в конечном счете, достичь трансцендентального состояния умиротворения и освобождения. В рамках данной теории отпадает всякая необходимость разделять людей на мужчин и женщин и, более того, ограничивать кого-либо из них в доступе к религиозным практикам.

Отечественный философ П. С. Гуревич, анализируя сущность человека, приходит к выводу, что человек не отличается от других живых существ, а представление об уникальности человека – лишь предрассудок, основанный на идеалах антропоцентризма [2004: 84]. Данное утверждение вполне согласуется с буддийским пониманием мироздания, где человечество – лишь один из уделов бытия в ряде бесчисленных вселенных. С такого ракурса бессмысленной видится дихотомия социального аспекта. Учитывая философский подход буддизма к жизни как к всеобъемлющему страданию, следует рассматривать всех людей, вне зависимости от их гендерной идентичности, как целостных личностей, которые стремятся к счастью через самопознание и самосовершенствование.

Рассматривая именно религию как систему мышления и действия, которая позволяет осознать смысл жизни и найти объект для преданного служения, Э. Фромм видел главную ее ценность в том, что она способствует человеческому развитию, раскрытию его личностного потенциала. При этом он указывал на важность критической самооценки, чтобы уметь различать подлинный и ложный религиозный опыт. Такой подход философ и психолог нашел в тибетском буддизме, последователи которого изначально предостерегаются от вероятностных ошибок слепой веры и опоры на чувственное познание с игнорированием логического дискурса [Фромм]. Вывод знаменитого философа позволяет пред-

положить, что тибетская буддийская традиция в целом соответствует той религии, которая положительно влияет на личностное самосовершенствование индивида на основе тщательного анализа.

Тибето-буддийская цивилизация основана на преобладании тантрической формы буддизма с ее обширным пантеоном и многоуровневыми магическими практиками, связанными с психотехническими приемами работы над сознанием личности. Также тибетская буддийская культура включает разнообразные формы учения в рамках различных традиций: нyingма, сакия, кагью, гелуг. Отличительные особенности традиции гелуг, основанной в XV в. Чже Цонкапой и доминирующей в тибетской среде, и стали основой ойратской буддийской культуры.

Монахи-ойраты обучались в гелугпинских монастырях, переводили и распространяли в родных кочевьях философские трактаты Чже Цонкапы, в которых разъяснялась суть поэтапного совершенствования личности на пути к Просветлению и определялось сущностное содержание тантрической ритуальной практики. Базовые категории философской традиции гелуг получили отражение в мировоззрении ойратов. В соответствии с учением Цонкапы о совершенствовании личности через практику отречения, сострадания и мудрости, ойраты важными считали такие качества, как воздержанность, гуманность, добродетель, справедливость, осознанное стремление к обучению и самосовершенствованию. Эти качества, являвшиеся духовными регуляторами жизни общества, способствовали формированию духовной культуры ойратов на основе буддийской картины мира. Подтверждения этому можно увидеть в образцах устного народного творчества, письменных памятниках и произведениях искусства.

Крупнейший исследователь ойратского эпоса «Джангар» Г. Ц. Пюрбеев, анализируя материалы эпического произведения, указывает на эволюцию религиозного сознания ойратов от дошаманских представлений до синкретизма шаманских и буддийских [2015: 19–21]. При этом большинство приведенных доказательств показывают преобладание буддийских представлений о мироздании, этике (учение о карме) и магической практике. Т. Г. Борджанова, исследуя обрядовую поэзию, рассматривает магические заклинания «тарни», определяет их как важную составляющую духовной культуры ойратов, называет их самобытным явлением народной культуры [2007: 21–98]. Однако если учитывать, что Д. Н. Музраева классифицирует подобные заклинания как буддийские тантрические тексты «дхарани» [2012: 35–39], то правомерным будет связать появление данного типа обрядовой поэзии ойратов с проникновением буддийской культуры Тибета, основой которой является тантризм. С. Г. Батырева [2016: 32] отмечает отличительные особенности ойратской иконографии, однако при этом признает, что формирование национальной традиции произошло на основе преломления тибетской иконографии через призму мировоззрения и эстетики ойратов.

Обращаясь непосредственно к месту женщин в буддийской культуре ойратов, вначале необходимо определить их социальный статус. К. А. Наднеева [2015] отмечает, что, несмотря на строгие предписания, ойратки пользовались

определенной свободой, были полноправными хозяйками дома. При этом буддийское понимание роли женщины, а особенно матери, дополняло традиционный женский образ, наполняя его осмысленностью и религиозной значимостью: мать должна была культивировать добро, мягкость, сострадание. Женщине следовало оберегать себя от пяти грехов: жадности, зависти, плохих помыслов, пустого времяпрепровождения, соблазнения мужчин.

Известный исследователь ойратской истории и культуры Ю. Лыткин, излагая собранный этнографический материал, восхищался образами знаменитых ойраток: Юм Агас, Гунчжу-хатун, Сайханчжу-хатун, Ечжи Цаган [2003: 410–416]. К примеру, Сайханчжу хатун совершала добрые дела в духе буддийского вероучения, делала большие подношения в казну Далай-ламы. Но наиболее известна она стала из-за того, что ее сын в память о матери построил Аблайн кит – ойратский буддийский монастырь. Позднее в развалинах именно этого храма были найдены тибетские рукописи, изучение которых стало предпосылкой к возникновению тибетологии.

Ойратский Цецен-хан тоже сильно почитал свою мать Гунчжу-хатун и после ее смерти долго сокрушался, что не существует сокровищ, чтобы отблагодарить мать за все ее деяния. В итоге, послушавшись совета самого известного ойратского монаха, получившего высокую ученую степень геше-рабджампы и достигшего высоких степеней религиозной реализации, Зая-пандиты Огторгуйн Далай (1599–1662), Цецен-хан лично отправился в Тибет для совершения необходимых ритуалов. В биографии самого Зая-пандиты часто упоминаются ойратские женщины, которые активно занимались религиозными практиками. Они совершали длительные паломничества в Тибет, заказывали переводы и переписку буддийских канонических произведений, соблюдали религиозные посты, а некоторые из них, овдовев, принимали монашеские обеты [Норбо 1999].

Из числа огромного тибетского буддийского пантеона среди ойратов большим почитанием пользовались женские божества Зеленая Тара (Ноган Дярк), Белая Тара (Цаган Дярк), Окон Тенгри. Согласно учению, эти буддийские ипостаси некогда приняли обет достичь Просветления в женском обличье, тем самым показывая духовный потенциал каждой женщины. В самом Тибете широкое распространение женский культ получил из-за популярности мистических тантрических практик, в которых женщины играли наиважнейшую роль. Наряду с богинями тибетцы, а вслед за ними и ойраты трепетно относились к дакиням и йогиням, женским божествам особого класса, которые оберегают тантриста на духовном пути, устраняют препятствия и всячески способствуют скорейшему развитию мистических способностей. Видимо, с этим связана и популярность тибетской народной оперы «Лхамо» (тиб. *богиня*), где девушки исполняют ваджрные танцы, берущие свое начало в высших классах буддийской тантры [Lobsang 1984].

Данная традиция не вошла в буддийскую культуру ойратов, однако в ойратском социуме большой популярностью пользовались буддийские сочинения о духовных подвигах женщин: Багамай-хатун [Ойратская версия... 2013] и Нарану

Гэрэл [Повесть-наказ... 2015], которые считались эманациями буддийской богини Белой Тары. Они отличались религиозными морально-этическими представлениями и альтруизмом. Готовность самопожертвования у женщин всегда отмечалась в буддийском учении, сотериологическая основа которого заключалась в культивировании безграничного сострадания ко всем живым существам. Для примера обычно берется мать, чья любовь к собственным детям настолько чиста и бескорыстна, что она сохраняет это чувство вопреки возможному негативному отношению к ней со стороны ее же детей. Более того, беря в расчет теорию перерождения и бесчисленное количество предыдущих рождений, буддийская религия представляет, что каждое живое существо когда-то выполняло материнскую роль. Так, буддизм пытается обосновать, что в человеке потенциально присутствует истинный альтруизм и каждый способен породить чувства бескорыстной любви и сострадания. В этом же контексте мыслится и вся тантрическая практика тибетского буддизма, в которой трансперсональный мистический опыт становится переходом от эгоцентрического сознания к просветленному.

Таким образом, буддийская культура Тибета как практическая реализация философского учения нашла отражение в духовном пространстве ойратов. Выявление сотериологической основы этой религиозной культуры позволило определить базовые положения тибетского буддизма, которые обусловили равное отношение к мужчинам и женщинам. При этом указывалось, что женщина в роли матери выступает эталоном истинного сострадания и милосердия. Рассматривая буддийскую культуру ойратов в рамках гуманистической философии и антропологии, приходим к выводу, что место и роль женщины определялись не столько религиозными предписаниями, а сколько ее личными убеждениями и мотивационными установками к самоограничению как к способу нравственной практики, накопления религиозных заслуг и служения во благо всего ойратского народа. Выполняя функцию матери, женщина обучала и воспитывала в своих детях добродетельные качества – способность к любви, состраданию, милосердию и заботе. Оставаясь преданной и скромной женой, ойратка практиковала смирение, тем самым создавала благоприятные условия для созидания и развития гармоничного общества.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность».

Литература

Батырева С. Г. Буддийская коллекция музейного собрания Калм. НЦ РАН: изучение и составление каталога (2014–2016) / С. Г. Батырева. – Элиста: Калм. НЦ РАН, 2016. – 160 с.

Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика) / на рус. и калм. языках / Т. Г. Борджанова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 592 с.

Гуревич П. С. Проблема целостности человека / П. С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2004. – 178 с.

Гурьева К. А. Женщина и религия в современной западной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2016. – 24 с.

Жиртуева Н. С. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2016. – № 4. – С. 60–69.

Лепехов С. Ю. Цивилизационные последствия распространения буддизма Махаяны на Азиатском континенте / С. Ю. Лепехов // Вестник Бурятского государственного университета. – Вып. 6. – 2016. – С. 48–59.

Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов / Ю. Лыткин // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., сост., коммент. А. В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 390–441.

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / Д. Н. Музраева. – Элиста: Джангар, 2012. – 224 с.

Наднеева К. А. Многоуровневый образ женщины монголоязычных народов / К. А. Наднеева // Философия права. – 2015. – № 6(73). – С. 84–88.

Норбо Ш. Зая-пандита / Ш. Норбо; пер. со старомонг. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 335 с.

Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун») / факсимиле рукописи, исслед., transl., пер. с ойрат., коммент. Б. А. Бичеева. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 248 с.

Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. – 140 с.

Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ (Повесть о Нарану Гэрэл) / факсимиле рукописи, исслед., transl., пер. с ойр., коммент. А. Г. Сазыкина. – СПб.: ИВ РАН, 2015. – 199 с.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык / Г. Ц. Пюрбеев; на рус. и калм. языках. 2-е изд., перераб. – Элиста: Джангар, 2015. – 280 с.

Уланов М. С. Женщина в буддийской культуре: религиозные и социальные аспекты / М. С. Уланов // Вестник Калмыцкого университета. – 2015. – № 3(27). – С. 57–61.

Уланов М. С. Буддизм в контексте типологии цивилизаций / М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев // Философские науки. – 2016. – № 10. – С. 28–40.

Фромм Э. Психоанализ и религия [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа: http://lib.ru/PSIHO/FROMM/pa_rel.txt_with-big-pictures.html#1 (дата обращения: 10.04.2018).

Lobsang Dorjee. Lhamo: The Folk Opera of Tibet / Lobsang Dorjee // The Tibet Journal. 1984. – Vol. IX. – № 2. – P. 13–22.

Shaw M. Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism / M. Shaw. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. – 291 p.

Women in Tibet: Past and Present / ed. by J. Gyatso and H. Havnevik. – New York: Columbia University Press, 2005. – 436 p.